

Н.С.Розов

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОНТОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ КРИЗИСОВ И ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Ключевые слова: методология социального познания, модель, масштаб, поле взаимодействия, концептуальный синтез

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Разработка интеграционных методов и методик фундаментальных социально-гуманитарных исследований» (грант РФФИ № 13-06-00789).

Публичная лекция как речь или текст ко многому обязывает, а роккановская лекция обязывает тройне. Стейн Роккан — весьма почитаемая фигура в социальных и политических науках, здесь имеет место редкий консенсус относительно значимости его идей и построений между представителями самых разных и конфликтующих между собой направлений. Я бы выделил три достоинства его подхода и работ: смелость в синтезе разных социальных масштабов и сфер человеческого бытия, внимание к долговременным процессам и переломным событиям в истории при объяснении сложившихся структур, редкая эрудиция во множестве конкретных областей социальных, культурных, экономических, политических и исторических знаний. В плане эрудиции мало кто может соперничать с Рокканом, в этом пусть тягаются с ним другие. Зато мне есть что сказать в развитие первых двух пунктов: в плане синтеза масштабов и сфер, а также подходов к объяснению долговременно назревания кризисов, кризисной и конфликтной динамики, причин и роли переломных событий.

**Сдвиги
в методологии
социального
познания**

Развитие исследовательских подходов происходит в разных местах с разной скоростью. В центрах международных интеллектуальных сетей ведутся авангардные исследования, здесь первыми происходят сдвиги, рождаются и осваиваются новые идеи. Периферия всегда отстает, новое здесь обычно не находит отклика, а развивается, только попав в сетевые центры². Коротко перечислю сдвиги последних 10—20 лет в западной (прежде всего американской как наиболее развитой и динамичной) социальной науке:

² Коллинз [Collins] 2002.

- 1) *от статики к динамике*: все меньше внимания к попыткам всеобъемлющих классификаций и типологий, все больше внимания к динамике, то есть к механизмам, паттернам, закономерностям, факторам изменений;
- 2) *от фиксированных дилемм к исторически меняющимся шкалам*: бинарные оппозиции не исчезли, но все больше замещаются

континуумами, в рамках которых и происходит динамика, причем эти шкалы не считаются абсолютными на все времена, а являются принадлежностью определенных эпох, исторических систем и даже отдельных типов обществ;

- 3) *от доминирующего масштаба к попыткам совмещения масштабов*: споры относительно первенства микро- или макро- (атомизма и холизма) практически ушли в прошлое; хорошим тоном стал учет охватывающих масштабов при анализе микросоциальных явлений и, напротив, демонстрация того, как макропроцессы реализуются в жизни, судьбе, действиях конкретных индивидов;
- 4) *от центризмов к рядоположенности сфер*: явно снизился (угас?) накал споров относительно главного или ведущего типа причин в социальных изменениях и историческом развитии (экономоцентризм, культуроцентризм, психологизм, технологический детерминизм, географический детерминизм и т.д.); гораздо больше внимания уделяется взаимодействию между различными сферами, прежде всего веберовскими (политика/государство, экономика/рынки, религия/культура/идеология, насилие/война/геополитика), а также географией, демографией и технологиями;
- 5) *от Methodenstreit к синтезу подходов*: от традиционного спора о методе между приверженцами номотетики (сбора и обработки количественных, статистических данных) и сторонниками идиографии (качественных методов — наблюдения, интервью) исследователи приходят к попыткам совмещения такого рода подходов (structure + agency), но здесь общего решения еще не найдено;
- 6) *от поиска или отрицания универсальных законов к объяснению уникального через общее*: долгий период дружного отрицания гемпелевских «охватывающих законов» (*covering laws*) завершается, уникальные исторические объяснения не признаются удовлетворительными в социальных и политических науках; что теперь занимает исследователей в передовых научных центрах, так это механизмы, посредством которых универсальные или типовые для данной эпохи ингредиенты и паттерны проявляются в конкретных неповторимых явлениях.

Если по первым двум пунктам (динамика вместо статики, исторически меняющиеся шкалы вместо абсолютных дилемм) есть ясность, то остальные четыре находятся на самом гребне развивающейся методологии социального познания, поэтому рассмотрим открывающиеся здесь возможности более детально.

Выявление причин разных социальных и временных масштабов

³ *Затрудняюсь здесь судить о приоритетах. Не исключено, что первыми были даже не историки или социальные исследователи, а романисты с вершинами в творчестве Л.Толстого, Э.Золя и др. Совмещение и изящное переключение масштабов также характерны для историков школы «Анналов» (М.Блок, Л.Февр, Ф.Бродель), историка В.Макнилла и макросоциолога И.Валлерстайна.*

Плодотворная идея совмещения в описании разных социальных и временных масштабов³ связана с осознанием (иногда более, иногда менее ясным) того, что в разные периоды истории ведущие причины событий и процессов относятся к разным уровням: иногда нужно вести речь о макропроцессах на континенте или даже в мире (Великие географические открытия, колонизация, религиозные войны, формирование национальных государств, промышленная революция и т.д.), а иногда, особенно во время острых кризисов и развилочек, — о раскладе сил между основными политическими игроками или даже об особом складе характера, привычках и фобиях отдельного правителя. Картины изменения частной жизни семей и индивидов, в которых явственно отражаются макрособытия, — этот излюбленный прием исторических романистов — стали также активно использоваться в работах историков и социальных исследователей.

Мой тезис состоит в том, что совмещение масштабов и переключение между масштабами не только являются удачными приемами построения литературного или научного нарратива, но и имеют большой методологический, познавательный потенциал. Как его раскрыть?

Допустим, мы обращаемся к разным социальным и временным масштабам не ради риторического эффекта, а с целью лучше прояснить причины происходящего. Тогда уже требуется априорное представление о ряде охватывающих масштабов: например, от ультрамикро- (ситуаций здесь-и-сейчас) до макро- (все общество) или даже международного и глобального уровня. Как правило, большим социальным и пространственным масштабам естественно сопологать и большие временные: от минут и часов до столетий. Никакой априорный ряд масштабов не может быть общей догмой: для каждого типа исследовательских задач адекватен тот или иной состав масштабов.

Преодоление спора между холизмом и атолизмом состоит в признании «плавающего» и/или «диффузного» характера наиболее значимых причин социальных изменений. Иными словами, причины явлений могут находиться в сущностях и процессах разных масштабов (от ситуативных и локальных до национальных, международных, глобальных). Причины как бы «плавают» между масштабами, но также вполне резонно ожидать, что причины особо значимых явлений (кризисов, революций, войн, расцветов и упадков обществ) могут быть диффузно рассредоточены по нескольким масштабам (например, для Первой мировой войны — от выстрела Гаврилы Принципа и воинственных настроений европейских политических лидеров до сложившегося соотношения в промышленном и военном развитии Германии и Великобритании, еще шире — до истории конкуренции и конфликтов между всеми великими европейскими державами и их коалициями).

Рассмотрим условную упрощенную ситуацию с тремя масштабами, которые назовем микро-, макро- и мега-. Допустим, задача состоит в выявлении причин явлений на уровне макро- (социально-политических кризисов, революций, войн в обществе). Широкий взгляд

на онтологию причинности предполагает самые разные возможности: в «плавающей» парадигме причины разных событий могут быть и на уровне микро- (интересы и решения индивидов), и на уровне макро- (ситуация с политическими силами, классами, конфликтами), и на уровне мега- (охватывающие и долговременные процессы в технологиях, экономике, демографии, международных отношениях). Обозначим такие причины как мономасштабные. В «диффузной» парадигме некая причина или комплекс причин имеют свои «представительства» в каждом из трех масштабов.

«Плавающие» причины охватывающих масштабов *всегда* каким-то образом представлены во вложенных масштабах. Если мы говорим о тенденциях технологического развития на протяжении нескольких десятков лет, то в каждом десятилетии, в каждом году и в каждом месяце есть соответствующие проявления этих тенденций. Если идет речь о настроениях правящих элит европейских держав, то эти настроения многократно проявляются в записях, публикациях, речах, зафиксированных дискуссиях тех или иных деятелей, входящих в эти элиты. Как же тогда отличить мономасштабные причины от диффузных?

Воспользуемся логической схемой необходимого и достаточного.

Мономасштабная причина (группа причин) некоторого явления необходима и достаточна для него. Если рассматриваемое явление принадлежит вложенному (меньшему) масштабу, то при любых обстоятельствах данного масштаба это явление произойдет. Когда лес горит, птичьи гнезда на ветвях деревьев гибнут. Когда в стране инфляция, деньги в карманах и на счетах каждого обесцениваются.

Диффузная причина на каждом уровне необходима, но только вместе они достаточны. Чтобы выросло новое дерево, нужны и семя, и почва, и определенные параметры окружающей среды (температура, влажность, освещенность), причем на протяжении многих лет. Чтобы появилось и закрепилось реальное разделение властей, требуется не только разовое принятие соответствующих конституционных законодательных норм, но также влиятельные группы, защищающие такое разделение, критическая масса депутатов, чиновников, политических лидеров, судей, понимающих его смысл и пользу, серия скандалов и разоблачений, связанных с покушением одной ветви власти (обычно исполнительной) на автономию других (обычно парламента, судов, масс-медиа).

Какова же адекватная методология для раскрытия такого рода причин? Перспективным представляется синтез вполне классического подхода постановки и проверки гипотез с систематическим анализом исторических случаев методом сходства и различия, а также аппаратом Булевой алгебры по Ч.Рэгину⁴ с расширением за счет учета разных масштабов. Так, мономасштабные причины выделяются, будучи обозначены как отдельные гипотетические факторы (что бы ни происходило в других масштабах, они «выстрелят»). Диффузные факторы с представительством в разных масштабах выделить труднее, но возможно —

⁴ См. *Ragin 1994; Розов [Rozov] 2009.*

через обобщение сквозных инвариантов в сочетаниях разномасштабных причин, ведущих к одному и тому же результату (например, к социальной революции, смене власти и режима).

**Макропоказатели
и динамика
взаимодействия**

Самый большой разрыв в социальных и политических исследованиях сохраняется в известной оппозиции «structure/agency». Под «структурными факторами» обычно понимаются макропоказатели стран, относящиеся к экономике, демографии, политической системе, уровню развития институтов, свобод и прав граждан, образования, медицины, инфраструктуры. Есть также немало международных рейтингов стран по степени свободы, демократичности режима, устойчивости/хрупкости государства, легкости ведения бизнеса, надежности инвестирования и т.п. Большинство макропоказателей охватывают только последние 40—60 лет, но данные по экономике, демографии, социальному развитию имеются в исторических справочниках и атласах.

Agency (активность, деятельность, взаимодействие акторов, или агентов) характеризует прежде всего динамику взаимодействия — кооперативную, конкурентную или конфликтную. В социальной и исторической реальности практически не встречаются ситуации с моно-субъектом. Даже если некий правитель осуществляет реформы при полностью подчиненном и лояльном аппарате, все равно в процессах принимают участие разные группы населения, да и лояльность самих элит всегда является переменной, она не бывает вечной.

Итак, вопрос состоит в том, как совместить совершенно разные картины, где представлены значения макропоказателей некоего целого (страны, общества, государства) и взаимодействия (например, в виде начальных и ответных ходов, или создания и раскола коалиций, или стратегий, усиливающих, блокирующих либо трансформирующих друг друга).

Есть опыт совмещения подходов через постановку и проверку гипотез, логически соединяющих соответствующие понятия и тезисы⁵. Здесь же мы будем выстраивать методологию через наиболее общие онтологические конструкции. Для простоты оставим за скобками темы случайности, вероятности, свободы воли, уникальности и неповторимого складывания. Представим, что поведение акторов детерминировано начальными условиями и распадается на *стратегии* (сознательно принимаемые целенаправленные последовательности действий) и *практики* (однотипные рутинные действия).

Значения макропоказателей, как правило, не детерминируют поведение актора. Каждый актор живет и действует в своей нише — совокупности воспринимаемых и объективных условий. Назовем их *нишевыми условиями стратегий и практик*. В зависимости от масштаба актора (индивид, семья, организация, политическая партия, правящая группа в стране) нишевые условия относятся к разным социальным масштабам: от микро- и нижнего мезо- до макро- и мега-. Так или

⁵ Мельвил
[Melv'il'] 2011.

иначе, они не совпадают с макропоказателями (кроме тех случаев, когда правящие группы действительно строят свои стратегии на основе известных им макропоказателей, прежде всего экономических и демографических). Каким же образом нишевые условия соотносятся с макропоказателями?

В объяснениях социальной и исторической динамики полезны и релевантны только те макропоказатели, в которых как-то представлены факторы, значимые для поведения акторов, и/или результаты этого поведения. Но эти факторы, по определению, присутствуют и в нишевых условиях. Иными словами, макропоказатели суть либо агрегаты (усредненные, типовые обобщения) отдельных элементов нишевых условий (плотность и качество дорог в стране, уровень развития образования, уровень защиты прав граждан, уровень защиты собственности), либо агрегаты результатов поведения, событий (ВВП, рождаемость, смертность), преобразования последних (рост ВВП, прирост населения, скорость прироста и т.д.).

Итак, между динамикой взаимодействий и макроусловиями имеется промежуточный, скрытый пока элемент — нишевые условия. Сами макропоказатели не обуславливают социальные изменения, в этом отношении классический расчет корреляций внутренне ущербен. Макропоказатели могут только служить диагностическими признаками значимых нишевых условий тех стратегий и практик, констелляция которых ведет к объясняемому социальным явлениям.

Узловой элемент наших рассуждений — нишевые условия — можно концептуализировать по-разному. Поскольку речь идет об условиях стратегий и практик, то естественно учитывать главные классы условий: ресурсы и их доступность, ограничения и препятствия, угрозы и возможности.

Особую роль играют внутренние ментальные (субъективные) условия, включающие когнитивные схемы (картины мира), базовые интересы и набор вариантов поведения, с каждым из которых связаны свои и чужие успешные или провальные истории («опыт»). Объяснение конкретного поведения только через ментальные состояния актора — негодный прием, поскольку представляет собой не более чем интерпретацию *ad hoc*, обычно непроверяемую. Однако пуристское выбрасывание всех ментальных элементов из научных объяснений — другая крайность, тоже непродуктивная. Вполне можно получать объективные сведения о субъективном: о типовых картинах мира, базовых интересах и арсенале действий социальных групп. Эти ментальные условия вкуче с материальными и социальными (объективными) уже образуют неплохую основу для объяснения поведения.

Если согласиться с центральной ролью скрытых нишевых условий в соединении статистических данных по макропоказателям («*structure*») с динамикой взаимодействия акторов («*agency*»), то каков должен быть методологический подход к исследованию?

Допустим, нас интересует объяснение крупных социальных явлений (революций, войн, трансформаций режимов, расцветов и распадов), а также поведения акторов, конstellация стратегий и практик которых приводит к этим явлениям. Начинать следует с объяснения уже случившихся явлений, ставших достоянием истории. В задачах такого рода есть ряд известных и ряд неизвестных. Известными будем считать данные по макропоказателям, историю взаимодействия основных акторов (обмен «ходами», создание и распад коалиций, основные стратегии и их результаты), а также итоговые объясняемые явления.

Идиографический подход здесь выступает как «исторический» и «качественный»: явление объясняется как следствие предшествующих событий и действий акторов. Такое объяснение бывает убедительным, вполне достаточным для историков традиционного склада, но сохраняет все известные недостатки объяснения *ad hoc*: прежде всего, оно никак не помогает в объяснении других явлений, разве что по аналогии, а последние слишком часто вводят в заблуждение.

Номотетический подход здесь выступает как «количественный», статистический: данные по множеству макропоказателей сопоставляются с качествами итогового явления (например, произойдет или нет социально-политический кризис, каковы будут уровни демократичности, устойчивости получившегося в результате революции и/или реформ режима). На этом пути были получены многие любопытные и нетривиальные результаты⁶. Но все они имеют только вероятностный характер, корреляции чаще всего слабые, а там, где сильные, речь идет обычно только о росте социальной напряженности и самых обших рисках.

⁶ Goldstone et al. 2010.

Предлагаемый подход, который условно назовем *интегративным*, включает в игру несколько новых элементов, в центре которых — динамика взаимодействий основных акторов, стратегии и практики которых определяются меняющимися нишевыми условиями и логикой ответных ходов. Рассмотрим три группы моделей, соответствующие стадиям перехода от стабильности к нестабильности и к новой стабильности, иными словами, от назревания кризиса — к его протеканию и преодолению.

Модели назревания кризиса включают известные закономерности изменения, достижения критических значений макропоказателей (младенческая смертность, «молодежный бугор», социальное неравенство, уровень безработицы в столице и крупных городах, фракционизм как взаимное отчуждение политических сил, опасность на границах, геополитическое напряжение и др.). Кризис отнюдь не всегда начинается при достижении пороговых величин показателями такого рода.

Вместо того чтобы искать новые макропоказатели, следует обратиться к моделям поведения тех групп, от которых прежде всего зависит наступление или ненаступление кризиса. Таковыми всегда являются группы со значимыми ресурсами (от административных, финансовых и силовых до социальных — способности мобилизовать большие

массы на протест). Практики этих групп, обеспечивающие приемлемый для них уровень комфорта (в широком смысле, включающем безопасность, достоинство, следование принципам и ценностям), осуществляются в нишевых условиях, а неблагоприятное изменение этих нишевых условий связано с теми макропоказателями, которые определены эмпирически как кризисогенные. Разумеется, чувствительность групп к неблагоприятным изменениям условий их жизни и практик неодинакова. Нишевые условия во многом заданы сохраняющимися институтами, определяющими типовые стратегии и практики, ограничения, доступ к ресурсам и т.д. Концептуальное содержание соответствующих моделей, относящихся к *agency*, рассмотрим позже.

Модели динамики взаимодействий в период кризиса, нестабильности слабее всего разработаны, поскольку слишком многое зависит от складывающихся обстоятельств и меняющегося под их влиянием поведения акторов. Эти обстоятельства представляют собой те же нишевые условия, но только частично или полностью освобожденные от институциональных рамок и претерпевающие быстрые изменения в зависимости от поведения акторов.

Перспективным представляется средний путь между частными историческими описаниями и формальными игровыми моделями. От характера акторов, их коалиций и выбранных стратегий зависит тип динамики (русло, сценарий), а каждому типу динамики присущи свои правила. Здесь трудности объяснения следует преодолевать через переключение между моделями разного масштаба и учет разных полей взаимодействия. В качестве примера приведу перечни условий, при которых конфликтная динамика уличного противостояния входит в одно из трех русел (перечни были использованы при попытке предсказать в январе 2014 г. дальнейшее развертывание кризиса на Майдане).

«Конфликтная динамика идет по 1-му руслу *эскалации взаимной агрессии и насилия* при условиях:

- 1.1) провалы многих попыток договоров и компромиссов;
- 1.2) унижение словами или действиями, откровенная жестокость с одной или с обеих сторон, когда жажда мести за убитых товарищей захлестывает остальные соображения, особенно при слабой дисциплине;
- 1.3) наличие ресурсов для агрессивных действий (захваты площадей, улиц и зданий и их „зачистка“, правовые основания и оперативные силы для арестов, спецсредства для рассеивания протестующих, самодельные средства для возведения и защиты баррикад, для противостояния силам режима, различные типы оружия, в том числе огнестрельного);
- 1.4) надежды той или иной стороны на свое преимущество и скорую победу (запланированное насилие);
- 1.5) когда силовые ресурсы накоплены, стагнация становится невыносимой, и в какой-то момент на каждое действие другая сторона отвечает более агрессивным действием, что включает круг

положительной обратной связи (никем не запланированная эскалация взаимного насилия).

Конфликтная динамика идет по 2-му руслу *договоров, компромиссов и перехода к мирной конкуренции* (символическое, электоральное, институциональное поля взаимодействия) при следующих условиях:

- 2.1) переговоры ведут хотя бы к небольшим успехам для каждой стороны, что дает перспективу и настрой на продолжение этой линии поведения;
- 2.2) накал страстей не достиг уровня, когда жажда мести затмевает остальное, либо долгое перемирие (2—3 недели и более) снижает гнев и агрессивные чувства сторон;
- 2.3) продолжение агрессивных действий для обеих сторон представляется бесперспективным и/или крайне опасным как для себя, так и для значимых ценностей (риски раскола страны, гражданской войны и пр.);
- 2.4) истощены ресурсы для агрессивных стратегий, насилия с обеих сторон;
- 2.5) зависимость каждой стороны от внешних сил, не заинтересованных в эскалации насилия, блокирует агрессивные действия сторон;
- 2.6) обе стороны достаточно дисциплинированы для того, чтобы выполнять условия соглашений.

Конфликтная динамика *неустойчива, агрессия сменяется перемириями и вновь возобновляется, но без большой эскалации*, когда нет выраженных условий 1.1—5 для эскалации и условий 2.1—6 для угасания насилия, вместо этого:

- 3.1) в переговорах что-то достигается, но надежного и поступательного улучшения положения нет, поэтому переговоры разочаровывают и на время прекращаются;
- 3.2) при возобновлении агрессии новые жертвы насилия ощутимо роняют репутацию нападающей стороны (делегитимируют ее), что ограничивает обоюдное насилие;
- 3.3) ресурсы агрессивных стратегий не полностью истощены (проводится некое пополнение и замена уставших, выбывших), однако ни у одной из сторон нет большого резерва, возможностей быстро нарастить силы для борьбы;
- 3.4) организованность и дисциплина обеих сторон достаточны для продолжения противостояния и стычек, но недостаточны для надежного выполнения мирных договоренностей;
- 3.5) нет надежд акторов на скорую победу, но нет и удовлетворительных перспектив замирения, поскольку остается ситуация „загнанности в угол“ у обеих сторон, когда каждая опасается наказаний за свои прошлые насильственные действия»⁷.

⁷ Розов [Rozov] 2014.

Модели разрешения кризиса и утверждения новой стабильности относятся к периоду, когда некая коалиция начинает уверенно

доминировать, устанавливает свои правила и институты. Соответственно, нишевые условия акторов стабилизируются. Вместе с тем взаимодействие, в том числе конфликтное и конкурентное, продолжается, результатом чего становится формирование институтов и консолидация соответствующих групп, их отношений как основа новой стабильности.

Поля взаимодействия и смещения движущих причин

Как говорилось выше, многофакторность социальных процессов и преодоление «центризмов» стали уже общим местом в продвинутых исследовательских центрах и программах. Нередко также признается, что в разные исторические периоды более действенными оказываются различные типы причин: демографические, политические, военные, экономические, религиозные, этнические и т.д. В то же время утрата твердой онтологической основы, которую давал каждый из «центризмов» (например, экономоцентризм в стиле К.Маркса), приводит к такому росту неопределенности, с которым исследователи далеко не всегда успешно справляются.

В качестве структурирующего эту сложность аналитического орудия предлагаю схему *полей взаимодействия*. Состав полей может меняться от общества к обществу, от эпохи к эпохе, но при исследовании социально-политических процессов всегда полезно выделять следующие:

- *институциональное поле* (взаимодействие по установленным, часто писаным правилам, прежде всего административным и правовым);
- *электоральное поле* (предвыборная борьба, выборы и последующие перераспределения должностей в обществах с реальным или декларируемым демократическим государственным устройством);
- *символическое поле* (идейная борьба, пропаганда, продвижение лозунгов, идей, ценностей, религий и идеологий, информирование и информационные войны);
- *поле организационной работы и мобилизации* (создание и расширение групп, иерархий, сетей, способных к скоординированным действиям);
- *поле политического торга и образования коалиций* (переговоры, как правило — скрытые, относительно бартерного обмена поддержкой, доступом, услугами и пр.);
- *экономическое поле* (переговоры, сделки, сотрудничество в сферах финансирования, материальных ресурсов, благ, товаров и услуг);
- *силовое поле* (прямое физическое противостояние между индивидами и группами с применением или угрозой применения насилия), включает организованное насилие, контроль над насилием (поддержание порядка и безопасности); силовое поле превращается в *поле войны*, когда запреты на насилие практически сняты и обе стороны используют доступное им оружие с целью уничтожения противника;

— *поле уличной политики* (протестные демонстрации, шествия, митинги, пикеты, а также массовые действия в поддержку властей, марши и парады, демонстрирующие силу режима).

В определенный период некоторые поля могут быть незадействованными (нет выборов, нет уличной политики) или стабильными (когда в институциональном, силовом полях все идет по заведенному порядку). В политически напряженные периоды, особенно во времена кризисов и острых конфликтов, на большинстве полей идет напряженное взаимодействие. Центр общественного внимания и приложения политических сил может перемещаться от поля к полю (например, от фальсификаций на выборах — к уличной политике, от уличной политики — к силовому противостоянию, от силового противостояния — к политическому торгу и созданию коалиций, или к войне, или обратно к электоральному полю).

Предполагается, что у каждого поля имеется своя логика выигрыша и проигрыша, а также есть логика перехода основной активности от поля к полю: так, проигрыш актора на одном поле обычно ведет к тому, что он пытается «отыгаться» на другом, где обладает (считает, что обладает) превосходящими ресурсами. Кроме того, выигрыш на одном поле (например, символическом) обычно ведет к росту ресурсов на других полях (легче рекрутировать новых участников, создавать коалиции, получать финансирование).

Методологию исследования взаимодействий на этих полях еще предстоит разработать. Пока ясно только, что потребуются как минимум три типа моделей:

- *игровые модели с правилами выигрышей и проигрышей* участников взаимодействия на каждом из полей в зависимости от нишевых условий, ресурсов и выбираемых стратегий;
- *модели влияния* этих выигрышей и проигрышей актора на одном поле на его условия и ресурсы на других полях;
- *модели закономерностей перехода от поля к полю* основной активности актора в зависимости от его прошлых результатов, собственных ресурсов и представлений о ресурсах противников.

Как правило, основные акторы одновременно играют на нескольких «досках» — предпринимают ходы и реализуют стратегии сразу на нескольких полях, а выигрыши и проигрыши на одних полях более или менее закономерно влияют на прирост или потерю ресурсов на других (скажем, более популярным и сильным актерам с большей готовностью начинают давать деньги). Самое трудное, но и самое важное в объяснении и понимании кризисной, конфликтной динамики — это переломные моменты, когда на одном поле (обычно силовом или на поле политического торга) происходят события, «опрокидывающие доску с фигурами», после чего начинаются быстрые драматические изменения в силе и ресурсах акторов на всех остальных полях.

**Как совместить
гемпелевскую
жесткость
объяснения
с гибкостью
переключения
моделей
и масштабов**

⁸ *Наиболее впечатляющее из них — предсказание Р. Коллинзом распада Варшавского блока и СССР в 1980—1986 гг., выполненное в строгом соответствии с каноном К. Гемпеля на основе сопоставления общей геополитической теории с начальными данными по обему тогдашним сверхдержавам (Коллинз [Collins] 2000; Розов [Rozov] 2002).*

⁹ *Гемпель [Hempel] 1998.*

Гемпелевская схема универсальных (охватывающих) законов, пожалуй, является чемпионом по остроте и массивности критики в ее адрес. Хуже того: хотя за прошедшие десятилетия и были примеры успешных объяснений и даже предсказаний на ее основе⁸, надежных методов, позволяющих широко и уверенно использовать эту логику, так и не создано. В чем же причина?

Радикальная критика самой идеи гемпелевского объяснения с позиций аналитической философии истории, идиографии, нарративизма, постмодернизма и т.д. непродуктивна. Дело не в том, что в социальном бытии и истории вообще нет общих закономерностей, позволяющих выводить объяснения и предсказания по Гемпелю, а в специфике этих закономерностей, их сложной взаимосвязи с процессами становления, феноменами субъективного выбора, социальными механизмами. На это накладывается дополнительная сложность, связанная с участием процессов разных социальных масштабов и из разных полей взаимодействия.

Не случайно в своей классической статье «Функция общих законов в истории»⁹ сам Гемпель в качестве «исторического примера» приводит случай разрушения радиатора автомобиля, простоявшего ночь на морозе. Здесь физический закон расширения замерзающей воды является действительно универсальным и к тому же единственным, который нужно учитывать в данной ситуации. В социальной же реальности добавляются как минимум следующие усложняющие моменты:

- одновременно может действовать множество закономерностей, какие-то из них могут быть заблокированными («спящими»), другие — усиливать друг друга, третьи — ослаблять или изменять влияние;
- сущности разных «миров» (материальные объекты, психические реалии, культурные образцы, социальные отношения и структуры) подчиняются разным закономерностям, но при этом тесно между собой связаны;
- долговременные закономерности охватывающих временных (влияние прошлых ситуаций) и социальных (влияние ситуаций в других местах) масштабов могут существенно трансформировать действие локальных факторов данной ситуации;
- случайные явления складывания, встреч нередко приводят к замыканию сетей, началу сборки новых социальных структур, которые кардинальным образом меняют состав действующих закономерностей;
- если групповые и массовые характеристики поведения как-то поддаются моделированию, то в периоды кризисов и бифуркаций резко повышается значение индивидуального выбора отдельных лиц, решения и действия которых ведут к переломным событиям, нарушающим действие прошлых закономерностей и включающим новые.

В результате сопоставления политического анализа и прогноза развития кризисной ситуации в Киеве вокруг Майдана (январь 2014 г.)

с реальным разрешением кризиса (конец февраля) были сделаны более конкретные выводы об ограниченности возможностей предсказания.

Во-первых, совпадение и очередность событий не поддаются прогнозированию, тем более в период острого кризиса, когда счет идет на часы, если не на минуты. Успеет или нет подойти подкрепление? Станет ли известна участникам стычек важная информация о положении дел вовне? Сумеют ли внешние акторы вовремя донести свои угрозы до лидеров сторон, а те — до своих силовых структур? Все это а priori предвидеть невозможно.

Во-вторых, многие характеристики участников, их действий и взаимодействий существенно меняются в ходе силового противостояния. Как они будут меняться, не знают точно даже сами участники. Это относится прежде всего к уровню боевой решимости, готовности убивать и идти на смерть. Серия наблюдений за поведением бойцов в прошлых стычках дала бы полезную информацию.

В-третьих, скорость и интенсивность процессов перемены власти определяются тем, когда и какие именно круги положительной обратной связи сложатся из серий событий, каждая из которых недостаточна, но вместе дают качественный, структурный эффект.

Итак, кризисные и конфликтные процессы хуже всего поддаются теоретическому объяснению, не говоря уже о предсказании. Вместе с тем начавшаяся эпоха глобальной турбулентности, когда кризисы, революции, локальные войны становятся более частыми и все более близкими к цивилизационным центрам, привыкшим уже к стабильности, повышает спрос на научное, модельное освоение этой тревожной реальности, а значит, будут все более активно разрабатываться методологические подходы. Сейчас можно судить только об их вероятных или ожидаемых свойствах.

1. Вместо привычных крайностей — либо полный отказ от строгих моделей, теоретических объяснений, попыток предсказаний, либо надежды на изобретение некоей «панацеи», дающей возможность предсказывать кризисную динамику, — будут развиваться *компромиссные подходы*, достаточно гибкие, многовариантные, с упором на мониторинг, экспертные оценки и анализ наиболее вероятных из спектра сценариев, но при этом достаточно жесткие, позволяющие отсекаать исключенные в сложившихся условиях альтернативы, объяснять и предсказывать хотя бы рамки возможных явлений на каждом временном отрезке.
2. Станет бурно развиваться не только совместное применение, но и *прямое совмещение количественных и качественных методов* — от сбора статистических данных, выявления корреляций, факторного анализа до включенных наблюдений, анализа личных блогов и переписки, проведения углубленных интервью. Такой синтез предполагает создание моделей и приемов работы с ними, в рамках которых качественные результаты используются вместе с количественными данными. Это подразумевает непереносное

шкалирование первых и кластеризацию вторых. Грубый, но эффективный подход на начальных стадиях исследования — бинаризация, которая годится и для качественных, и для количественных данных и к тому же позволяет использовать классические методы анализа причинных связей Бэкона—Милля и аппарат Булевой алгебры¹⁰.

¹⁰ См. Розов [Rozov] (ред.) 2001; Розов [Rozov] 2009.

3. Как обычно, при столкновении с трудными и долго не решавшимися проблемами будет идти «нащупывание» через попытки применения широкого спектра классических и новых исследовательских подходов. Самые успешные, причем именно в предсказании (объяснять прошлое уже давно все умеют), будут подхватываться и развиваться ускоренными темпами. Моя гипотеза: таковыми станут подходы с гибким переключением масштабов, учетом процессов на нескольких полях взаимодействия, совмещением качественных и количественных методов, строгой гемпелевской логики и вероятностного анализа альтернатив при развилках.

Далее последуют соображения относительно онтологических и концептуальных основ таких ожидаемых подходов.

Системный язык — каркас концептуального синтеза

Переключение между моделями, совместное использование моделей предполагают общую онтологию и язык описания. Наиболее естественное решение — воспользоваться надпредметным, системным языком. Ему соответствует и системная онтология, в которой имеют место процессы с входами, выходами, обратными связями¹¹, а также механизмы, фазы и переходы, переменные и связи, тренд-структуры, тенденции и циклы, русла и кризисы, воронки и развилки¹². Некоторые системные схемы связывают эту абстрактную онтологию с социальной онтологией и языком общей социологии.

¹¹ Оптнер [Optner] 1969.

¹² Розов [Rozov] 2011.

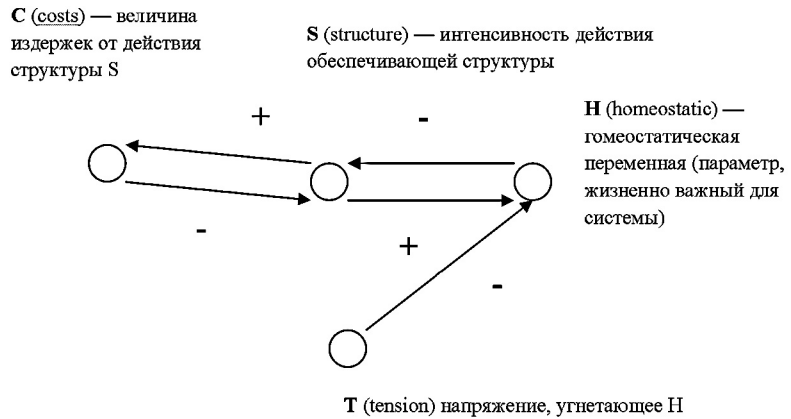
Следует обратить внимание на недооцененную схему А.Стинчкомба, которая не только описывает главные функционалистские связи, но и может быть использована при объяснении кризисов, реформ и глубоких структурных трансформаций обществ в истории. Суть модели состоит в следующем (см. *рис. 1*).

Некая структура или повторяющаяся деятельность S (например, социальный институт, практика, ритуал или традиция) выбирается и используется сообществом, что поддерживает на приемлемом уровне гомеостатическую переменную H (например, безопасность, порядок, достаточность ресурсов, лояльность, солидарность и т.д.), испытывающую разрушительные внешние или внутренние воздействия (напряжение) T.

Действие структуры S тем интенсивнее, чем ниже значения гомеостатической переменной H (негативная связь). Сама же структура S своим действием восстанавливает, усиливает H (положительная связь), тем самым нейтрализуя угнетающее действие напряжения T.

Само действие структуры S «не бесплатно» и сопровождается издержками C, которые растут по мере роста интенсивности S (положи-

Рисунок 1 Тренд-граф функциональной причинности

Источники: Stinchcombe A.L. 1987. *Constructing Social Theories*. — Chicago, L.; Розов Н.С. (ред.) 2001. *Разработка и апробация метода теоретической истории. Вып. 1*. — Новосибирск; Розов Н.С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. — Новосибирск.

тельная связь), причем рост издержек С естественным образом угнетает интенсивность структуры S (негативная связь).

Модель допускает множественные направления усложнения и развертывания: приписывание коэффициентов связям, умножение переменных, особенно альтернативных, обеспечивающих структур и т.д. Обеспечивающие структуры S — это не что иное, как социальные институты, прочие комплексы правил и практик, нужные в данном обществе, то есть поддерживающие на должном уровне те или иные гомеостатические переменные H.

**Системная
концептуализация
социальных
кризисов
и трансформаций**

Все без исключения кризисы можно описать через критическое падение значений гомеостатических переменных H, когда имеющиеся обеспечивающие структуры S уже не способны их поддерживать. Кризисы разрешаются через появление новых обеспечивающих структур (институтов и практик) S₁, а при наиболее глубоких трансформациях происходит также обновление основных гомеостатических переменных, типов напряжений T и издержек C.

Гомеостатические переменные могут пересекаться с макропоказателями (например, темпы экономического роста), но составы их различны. При этом они принадлежат одной онтологии, одному языку и вполне могут быть сопоставлены между собой.

Главными же звеньями схемы, соединяющими численные показатели (*structure*) с поведением акторов (*agency*), являются остальные ее элементы: обеспечивающие структуры S, издержки C и напряжения T.

Практики и стратегии, направленные на сотрудничество, обмены и конкуренцию по правилам (без подавления соперников), обычно реализуют обеспечивающие структуры S (институты).

Издержки C следует понимать шире, чем финансовые потери от участия в структурах S. Недовольство, дискомфорт, угрозы, тревоги, связанные с этим участием, также увеличивают издержки, а могут и приводить к росту напряжений T.

К конфликтам и социально-политическим кризисам приводят чрезмерно большие издержки C, напряжения T и соответствующее падение гомеостатических переменных H (таких, как достоинство, легитимность, доступ к ресурсам, послушность силового аппарата, внешняя безопасность, сохранность собственности и пр.), непереносимое для влиятельных социальных групп. Само конфликтное поведение обычно еще больше увеличивает издержки C, напряжения T и обрушивает гомеостатические переменные H. В то же время логика конфликта ведет к созданию коалиций, росту солидарности внутри каждой конфликтующей стороны (закон Зиммеля); здесь же появляются ростки новых обеспечивающих структур (институтов) S.

Иерархии, рынки и сети

Менее очевидна связь с данной функциональной схемой социальных структур, пронизывающих разные масштабы: *иерархий* (государственных, имущественных, сословных, образовательных), *рынков* (экономических, брачных, символических) и *сетей* (с узлами, кружками, центрами, перифериями). Отмечу, что все эти структуры обладают устойчивостью, хотя могут и разрушаться. Резонно предположить наличие ответственных за это гомеостатических переменных H и обеспечивающих структур S.

Для *иерархий* переменные H связаны с лояльностью, готовностью участников подчиняться и подчиняться, способами S поддержания этой лояльности.

Для *рынков* важнейшими являются правила обменов, уверенность участников в их действенности, институты S поддержания этих правил и наказания нарушителей.

Сети держатся на заинтересованности участников в сохранении взаимных контактов (то есть в пребывании внутри сети). Интерес этот, в свою очередь, зависит от особой гомеостатической переменной H, суть которой в том, что выигрыш от членства в сети превосходит издержки, связанные с таким членством. Вероятно, каждая устойчивая сеть обладает некими структурами S, обеспечивающими этот выигрыш — например, через механизмы порождения и распространения значимых символов, информации, способов осмысления происходящего, возможностей поддерживать или улучшать свои социальные позиции.

Если разрушение и создание иерархий — значимая и очевидная часть содержания политических кризисов и революций, то релевантность рынков и сетей требует пояснения. Развитие экономических рынков является ключевым двигателем изменения позиций различных классов и сословий, а значит, и фактором дискомфорта, вызовов, кризисов и конфликтов. Разрешение глубоких кризисов всегда меняет базовые структуры собственности и правила обмена, а тем самым — и сами рынки, тенденции их дальнейшего развития¹³. Политические и символические рынки (по сути дела, сферы бартерных сделок между акторами) — важнейший компонент кризисной и конфликтной динамики, формирования коалиций.

¹³ Collins 1999.

Сети важны прежде всего как каналы коммуникации, способы формирования новых групп и сообществ (контрэлиты, фронды, протестных движений, ополчения). Исключительную, даже фатальную роль иногда играют встречи и сотрудничество индивидов из разных сетей (политической, силовой, финансовой, религиозной или идеологической), что означает *пересечение сетей* и образование синергии — новых коалиций, практик и институтов, способных к глубокой трансформации и даже разрушению окружающих структур. Наиболее ярко данная способность проявляется в случаях успешных революций, взрывающих прежний режим и ведущих к появлению нового.

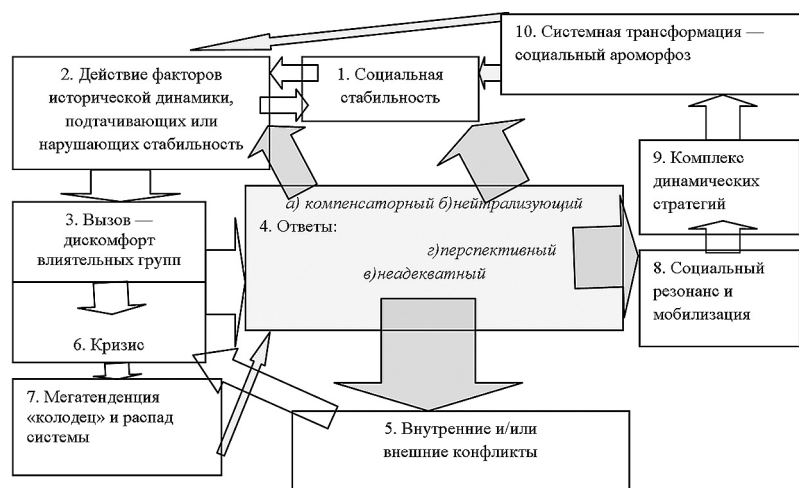
**Универсальная
модель
исторической
динамики**

Макропоказатели новой стабильности можно и всегда полезно сопоставлять с макропоказателями прежней стабильности. Тогда периоды кризисов и конфликтов предстают как переходы между эпохами. Здесь мы приходим к фазовым моделям, имеющим множество вариаций, которые обычно обозначаются через термины-метафоры: цикл (круг), ступени (стадии развития), русло (эффект прошлой траектории, колея), развилка (бифуркация), слияние (воронка), параллельная эволюция и др.

Универсальная модель исторической динамики (см. *рис. 2*) предназначена для осмысления периодов явного нарушения стабильности, кризисов и конфликтов, ведущих либо к пошаговым эволюционным изменениям (контур фаз 1-2-3-4-1), либо к разрушению, перерождению (контур фаз 3-4-5-6-4...7), либо к многостороннему расцвету, системной трансформации, эволюционному скачку (контур фаз 2-3-4-8-9-10-1...2).

Кроме того, модель связывает между собой основные темы и концепции макросоциологии. Она является не только общей рамкой, но также удобным и компактным способом сопряжения весьма обширного (и открытого для дальнейшего расширения) круга уже существующих более частных моделей и теорий. За каждым блоком (фазой) модели и за некоторыми переходами стоит свой набор моделей. Приведу краткий, далеко не полный их перечень с указанием лишь самых известных, классических концепций.

Рисунок 2 Универсальная модель исторической динамики

Источник: Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке.* — М.

¹⁴ Goudsblom, Jones, Mennell 1996; Spier 1996.

¹⁵ Холл [Hall] 2006.

¹⁶ Левада [Levada] 2006: 364—379.

¹⁷ Тойнби [Toynbee] 1991.

¹⁸ Goldstone 1991; Нефедов [Nefedov] 2005; Турчин [Turchin] 2007.

¹⁹ Шумпетер [Schumpeter] 1995 и др.

²⁰ Carneiro 1970; Кульпин [Kul'pin] 1992.

²¹ McNeill 1979; Crosby 1986.

²² Ильин [Ilyin] 1997.

²³ Цирель [Cirel'] 2005.

²⁴ Даймонд [Diamond] 2010.

²⁵ Boulding 1962.

Фаза 1 («Социальная стабильность»): хозяйственные уклады, способы производства и формации по К.Марксу; социальные системы, структуры и функции по Б.Малиновскому и Т.Парсонсу; социальные режимы как совокупности воспроизводящихся структур и рутинных процессов по Й.Гудсблomu и Ф.Спиру¹⁴; функционирование социальных и политических институтов в различных версиях неоинституционализма¹⁵; представления об «обыкновенных состояниях»¹⁶.

Фазы 2 («Действие факторов исторической динамики»), **3** («Вызов — дискомфорт влиятельных групп») и **6** («Кризис»): концепция вызовов А.Тойнби¹⁷; модели перенаселенности и депопуляции как кризисогенных факторов в исторической демографии¹⁸; всевозможные модели экономических циклов, кризисов и роста социальной напряженности¹⁹; модели социоестественной истории и экологических кризисов²⁰; макроистория болезней и окружающей среды²¹; геополитика и политический реализм в теории международных отношений²².

Фаза 4 («Ответы»): типология «ответов» по А.Тойнби; широкий спектр моделей рационального выбора; концепция QWERTY (предопределенность выбора пути прежней траекторией — модель «колеи»²³); синергетические концепции бифуркации; концепции культурной и цивилизационной дивергенции²⁴.

Фазы 5 («Конфликты») и **7** («Мегатенденция „колодец“ и распад системы»): концепции социальных конфликтов²⁵; модели крушения

²⁶ Kennedy 1987; Tainter 1988; Коллинз [Collins] 2000; Турчин [Turchin] 2007; Даймонд [Diamond] 2008.

²⁷ Moore 1966.

²⁸ Skocpol 1979.

²⁹ Goldstone 1991.

³⁰ Tilly 2003.

³¹ Левада [Levada] 2006: 364—379.

империй²⁶; теории революции и государственного распада (К.Маркс, В.Ленин, Л.Троцкий, Б.Мур²⁷, Т.Скочпол²⁸, Дж.Голдстоун²⁹, Ч.Тилли³⁰); представления о «возбужденных состояниях»³¹.

Фазы 8 («Социальный резонанс и мобилизация») и *9* («Комплекс динамических стратегий»): концепции солидарности (Э.Дюркгейм), харизмы и легитимности (М.Вебер), эмоциональной энергии и интерактивных ритуалов (Р.Коллинз); модели групповой и массовой мобилизации (Ч.Тилли); концепции реформ и модернизации; теория динамических стратегий (Г.Снукс)³².

Фаза 10 («Системная трансформация — социальный ароморфоз»): концепции смены формаций (К.Маркс), социальной эволюции³³, модернизации и перехода к постиндустриальному обществу³⁴, демократического транзита³⁵.

Тройственная модель поведения как общий знаменатель

Все системные конструкции рискуют повиснуть в воздухе, если нет такой основы, как общее представление о человеке, его психике и поведении. Обилие разнородных психологических, социологических, антропологических концепций может привести в смущение. Сформулирую требования, которым должна отвечать общая модель человеческого поведения, чтобы ее можно было эффективно использовать в исследованиях исторической динамики с заявленной выше методологией:

- универсализм относительно культур, обществ, эпох;
- возможность учитывать обширное разнообразие в движителях, характере и направленности поведения;
- применимость к индивидуальному, групповому и массовому поведению;
- учет социальной обусловленности психики и поведения индивидов; учет как охватывающей причинности для групп и обществ (извне — вовнутрь), так и причинности со стороны лидеров, элит (изнутри — вовне);
- конструктивность как оперирование в рамках строгой системы понятий и возможность применения причинной логики, выдвижения и эмпирической проверки гипотез.

Этим требованиям отвечает соединение следующих трех известных концепций:

- *теории интерактивных ритуалов* Дюркгейма — Уэллера — Гофмана — Коллинза³⁶;
- *модели габитуса* (П.Бурдьё) как комплекса установок (Ф.Томас и У.Знанецкий, Дж.Мид, Дм.Узнадзе): когнитивных (фреймы), ценностных (символы, святыни), экзистенциальных (идентичности) и поведенческих (стереотипы практик и стратегий); при этом такие понятия, как «национальный, этнический менталитет», «национальный характер», определяются через разнообразия габитусов³⁷;
- *теории оперантного обусловливания* Ф.Скиннера, позволяющей объяснять и предсказывать последующие поведенческие акты

³² Коллинз [Collins] 2002; Collins 2004; Snooks 1996.

³³ Carneiro 1970; Sanderson 1990.

³⁴ Белл [Bell] 1999.

³⁵ Растой [Rastoy] 1996; Пшеворский [Przeworski] 2000.

³⁶ Коллинз [Collins] 2002; Collins 2004; Розов [Rozov] 2011.

³⁷ Розов [Rozov] 2011.

³⁸ Скиннер
[Skinner] 1986; Розов
[Rozov] 2011.

(реакции, выборы, решения, действия, стратегии) на основе положительного или отрицательного подкрепления таких же или противоположных прошлых актов в субъективно сходных обстоятельствах³⁸.

Здесь нет возможности описывать в деталях каждую концепцию, поэтому покажу только главные понятийные связки между ними. *Установки* индивидов и групп, управляющие их поведением, формируются в эмоционально значимых, впечатляющих *интерактивных ритуалах*. В каждом таком ритуале поддерживаются и укрепляются *социальные связи* и общие *символы* через внушение участникам картины мира (*фреймы*), значимости *священных объектов и ценностей* (стремления, интересы, чувство долга), ощущения своего места, роли, предназначения (*идентичности*), целей и правил должного, социально одобряемого поведения (*стереотипы практик и стратегий*). Успех избранной линии поведения *положительно подкрепляется в особых ритуалах честования* и ведет к упрочению, расширению тех же стереотипов. Провал приводит к фрустрации (*отрицательному подкреплению*) и тоже переживается в эмоционально насыщенных ритуалах с фиксацией ошибок, определением виновных, причин неудач и т.п., что обуславливает выбор линии поведения в будущих сходных обстоятельствах.

Отмечу, что такие события, как войны, революции, государственные распады, являются сериями весьма эмоционально насыщенных ритуалов (а каждое вооруженное столкновение — естественный ритуал), причем познавательное и ценностное содержание этих ритуалов во многом определяется доминирующим дискурсом символической сферы (проповедей, пропаганды, публицистики); здесь разрушаются прежние и выковываются новые представления о социальном мире и символы, вокруг которых образуются новые связи солидарности с новыми идентичностями и поведенческими стереотипами.

**Причинное
действие громких
«спусковых»
событий**

Теперь у нас в распоряжении есть достаточно средств, чтобы представить общую эвристическую картину действия причин исторических изменений в контексте разных социальных и временных масштабов, полей взаимодействия, соотнесения закономерного и случайного, объективного и субъективного.

Рутинные, повторяющиеся процессы, составляющие стабильность, здесь не считаются изменениями. Соответствующие циклы принадлежат разным временным масштабам, от суточных до поколенческих (25—30 лет). Устойчивость режимов обеспечивается как постоянством условий и практик, так и действием функциональных механизмов (по Стинчкомбу), поддерживающих гомеостатические переменные *N* для каждой социальной целостности (от семьи и рода до города, провинции, страны и международной системы).

Наиболее общими причинами исторических изменений являются взаимосвязанные процессы демографического и экономического

роста, дефицит ресурсов, конфликты и неисправимые сбои, ведущие к кризисам. Любой рост ведет к изменению условий и издержек S , к увеличению напряжений T , в том числе таких, при которых прежние обеспечивающие структуры (институты и практики) S уже не способны поддерживать на должном уровне гомеостатические переменные H — от благополучия и здорового потомства в семье до сохранения мира и стабильности международной системы государств. Накопление подобных дисбалансов и соответствующего дискомфорта для лидеров и влиятельных групп может идти в каждом социальном масштабе, причем напряжения и сбои в разных масштабах обычно усиливают друг друга, а при образовании кругов положительной обратной связи происходят кризисы вплоть до череды революций и мировых войн.

Кроме такого рода диффузных (распространенных по разным масштабам и полям взаимодействия) причин, есть и «плавающие» причины, когда событие (серия событий) в одном социальном масштабе приводит к быстрым, иногда разрушительным изменениям в остальных масштабах. Так, один теракт может привести к мировой войне, а одно самосожжение — к целой серии революций. Очевидно, что такое возможно только при «готовности» социальных целостностей в остальных масштабах — накопленном потенциале дискомфорта, конфликтности и ресурсов для осуществления агрессивных действий.

Остановимся на одной из самых сложных проблем — на концептуальном совмещении динамики переменных (с использованием той же схемы Стинчкомба) и знаковых событий, играющих огромную роль для последующих исторических процессов. Речь идет о так называемых «закономерных случайностях» по Ч.Перроу, когда система настолько напряжена и готова к бурному изменению, что к этому ее может подтолкнуть любое событие некоторого класса, а вот где именно, когда и какое это будет событие — уже принадлежит сфере случайности³⁹.

³⁹ Perrow 1984.

Раскроем метафору «напряженности и взрыва» вначале в терминах динамики переменных, а затем на основе предложенной объединенной концепции ритуалов, габитусов и оперантного обусловливания.

Готовность системы к «взрыву» (провинции готовы к мятежу, граждане готовы к упорным уличным протестам, элиты готовы к перевороту, государства готовы начать войну) всегда означает высокие напряжения T , вызывающие снижение до критического уровня важных гомеостатических переменных H и соответствующий дискомфорт, высокие издержки от принятых обеспечивающих структур S , разочарование в них и готовность от них отказаться. Далее «спусковое» (обычно случайное) событие ведет к «взрыву». Действия направлены в принципе на восстановление гомеостатических переменных H (уровня благосостояния, справедливости, прав и свобод, государственного престижа), однако в условиях дискредитации прежних обеспечивающих структур мишенью становятся «виновники», а в рамках схемы — некие субъективно представляемые напряжения T_1 , которым вменяется вина за ухудшение положения. Здесь приходится схему расширить и ввести

дополнительный тип — *разрушающие структуры D* (destruction). Эти структуры тоже имеют свои издержки C_1 (нарушения общественного порядка, лояльности, легитимности, миролюбия, выполнения договоров и пр.), которые начинают угнетать другие гомеостатические переменные H_1 , что и приводит к формированию разрушительных кругов положительной обратной связи — к кризису (революции, государственному распаду, войне).

Как выглядят те же процессы на языке ритуалов, установок и подкреплений? Состояния благополучия и стабильности выражаются не только в успешных практиках, но и в регулярных ритуалах солидарности и лояльности, где соответствующие символы и установки подкрепляются плодами этих успехов (праздники, чествования, награды, пиры и т.п.). Рост напряжения, падение гомеостатических переменных, накопление соответствующего дискомфорта и раздражения выражаются в срыве ритуалов солидарности и лояльности, в скандалах, а также в учащении иного типа ритуалов — с поиском и порицанием виновных, формированием новой солидарности между разделяющими эти обвинительные и агрессивные установки.

«Спусковое» событие (обычно связанное с особо скандальным насилием, убийством, унижением достоинства) приводит к «взрыву» именно по той причине, что тут же становится предметом страстных обсуждений, переживаний. Тогда эмоции, возбужденные в этих ритуалах, приобретают такую силу, что кто-то предпринимает уже явные, известные другим действия против «назначенных виновными». Скорая солидарная поддержка этих действий воодушевляет остальных, оказывается сильнейшим положительным подкреплением коллективных действий, и далее включается модель «снежного кома». При этом растущий мятеж, массовые уличные протесты или массовые патриотические подъемы в начале крупных войн — все они имеют ритуальную природу. Ритуалы здесь уже не камерные (в семье, среди своих), а широкие, иногда — общенациональные.

**Социальная
онтология
как эвристика**

Какую роль в будущих исследованиях могут сыграть представленные понятийные конструкции? Будучи весьма общими, они не поддаются эмпирической проверке, то есть не фальсифицируемы (по К.Попперу). Дело в том, что они имеют статус не теоретических, а онтологических утверждений. В других терминах, они относятся к парадигме (по Т.Куну) и к ядру научной исследовательской программы (по И.Лакатосу).

Какую же пользу можно извлечь из построений социальной онтологии для научного объяснения причин исторической динамики кризисов и трансформаций? Онтология представляет собой нечто вроде каркаса связей между сущностями. И связи, и сущности следует рассматривать как переменные, о значениях которых в онтологии сведений нет. Эта неизвестность значений аналогична пустым ячейкам, требую-

щим заполнения. Кроме того, онтология является своего рода набором «линз» — способов осмысления и описания эмпирического материала.

Связкой между «пустыми ячейками» и исследуемой реальностью выступают вопросы. В некотором смысле *онтология — это арсенал понятийных средств, нужный для того, чтобы задавать хорошие вопросы, ответами на которые служат начальные модели, гипотезы, данные их эмпирических проверок и получающиеся в итоге теории.*

Модели и теоретические гипотезы закрепляют связи между сущностями, что дает возможность формулировать и проверять эмпирические гипотезы через специальные выборки исторических случаев⁴⁰. Здесь особую роль обретает операционализация — способы суждения о связях и сущностях через сбор данных по специально сконструированным показателям, диагностическим признакам.

Как в исследованиях закономерностей исторической динамики операционализировать выделенные выше макро-, мезо- и микросущности и констелляции сущностей (вызовы и ответы, напряжения и обеспечивающие структуры, успехи и провалы стратегий, русла, развилки и воронки, ритуалы и установки) — большая и непростая тема, требующая особого рассмотрения.

⁴⁰ См. Розов [Rozov] 2009: гл. 6.

Библиография

Белл Д. 1999. *Грядущее постиндустриальное общество*. — М. [Bell D. 1999. *Grjadushhee postindustrial'noe obshhestvo*. — М.].

Гемпель К. 1998. Функция общих законов в истории // Гемпель К.Г. *Логика объяснения*. — М. [Hempel C. 1998. *Funkcija obshhikh zakonov v istorii* // Hempel C. *Logika ob'jasnenija*. — М.].

Даймонд Дж. 2008. *Коллапс: Почему одни общества выживают, а другие умирают*. — М. [Diamond J. 2008. *Kollaps: Pochemu odni obshhestva vyzhivajut, a drugie umirajut*. — М.].

Ильин М.В. 1997. Глобализация политики и эволюция политических систем // Мельвиль А.Ю., Микешин Н.П. и др. (ред.) *Глобальные социальные и политические перемены в мире: Материалы российско-американского семинара. Москва, 23—24 октября 1996 г.* — М. [Ilyin M.V. 1997. *Globalizacija politiki i ehvoljucija politicheskikh sistem* // Mel'vil' A.Ju., Mikeshin N.P. i dr. (red.) *Global'nye social'nye i politicheskie peremeny v mire: Materialy rossijsko-amerikanskogo seminaru*. Moskva, 23—24 oktjabrja 1996 g. — М.].

Коллинз Р. 2000. Предсказание в макросоциологии: случай Советского коллапса // *Время мира*. Вып. 1. — Новосибирск [Collins R. 2000. *Predskazanie v makrosociologii: sluchaj Sovetskogo kollapsa* // *Vremja mira*. Вып. 1. — Novosibirsk].

Коллинз Р. 2002. *Социология философий: глобальная теория интеллектуального изменения*. — Новосибирск [Collins R. 2002. *Sociologija filosofijj: global'naja teorija intellektual'nogo izmenenija*. — Novosibirsk].

Кульпин Э.С. 1992. *Социоестественная история: предмет, метод, концепции*. — М. [Kul'pin Eh.S. 1992. Socioestestvennaja istorija: predmet, metod, koncepcii. — M.].

Левада Ю.А. 2006. *Ищем человека: Социологические очерки, 2000—2005*. — М. [Levada Ju.A. 2006. Ishhem cheloveka: Sociologicheskie ocherki, 2000—2005. — M.].

Мельвиль А.Ю. 2011. Опыт количественного и качественного анализа факторов демократизации // *МЕТОД: Московский ежегодник трудов из общественных дисциплин*. Вып. 2. — М. [Mel'vil' A.Ju. 2011. Opyt kolichestvennogo i kachestvennogo analiza faktorov demokratizacii // METOD: Moskovskij ezhegodnik trudov iz obshhestvennykh disciplin. Vyp. 2. — M.].

Нефедов С.А. 2005. *Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России*. — Екатеринбург [Nefedov S.A. 2005. Demograficheski-strukturnyj analiz social'no-ehkonomicheskoy istorii Rossii. — Ekaterinburg].

Оптнер С.Л. 1969. *Системный анализ для решения деловых и промышленных проблем*. — М. [Optner S.L. 1969. Sistemnyj analiz dlja reshenija delovykh i promyshlennykh problem. — M.].

Пшеворский А. 2000. *Демократия и рынок: Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке*. — М. [Przeworski A. 2000. Demokratija i rynek: Politicheskie i ehkonomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike. — M.].

Растов Д. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели // *Полис*. № 5 [Rastow D. 1996. Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoy modeli // Polis. № 5].

Розов Н.С. (ред.) 2001. *Разработка и апробация метода теоретической истории. Вып. 1*. — Новосибирск [Rozov N.S. (red.) 2001. Razrabotka i aprobacija metoda teoreticheskoy istorii. Vyp. 1. — Novosibirsk].

Розов Н.С. 2002. *Философия и теория истории. Кн. 1: Прологомены*. — М. [Rozov N.S. 2002. Filosofija i teorija istorii. Kn. 1: Prolegomeny. — M.].

Розов Н.С. 2009. *Историческая макросоциология: Методология и методы*. — Новосибирск [Rozov N.S. 2009. Istoricheskaja makrosociologija: Metodologija i metody. — Novosibirsk].

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: Макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. — М. [Rozov N.S. 2011. Koleja i pereval: Makrosociologicheskie osnovanija strategij Rossii v XXI veke. — M.].

Розов Н.С. 2014. Механизмы конфликтной динамики и политическая ситуация в Украине // *Полит.ру*. 20.02 [Rozov N.S. 2014. Mekhanizmy konfliktnoj dinamiki i politicheskaja situacija v Ukraine // Polit.ru. 20.02] (<http://polit.ru/article/2014/02/20/ukraine/>).

Скиннер Б.Ф. 1986. Оперантное поведение // *История зарубежной психологии*. — М. [Skinner B.F. 1986. Operantnoe povedenie // Istorija zarubezhnoj psikhologii. — M.].

Тойнби А. 1991. *Постижение истории*. — М. [Toynbee A. 1991. Postizhenie istorii. — M.].

Турчин П.В. 2007. *Историческая динамика: На пути к теоретической истории*. — М. [Turchin P.V. 2007. Istoricheskaja dinamika: Na puti k teoreticheskoi istorii. — M.].

Холл П. 2006. Политическая наука и три новых институционализма // *Ойкумена*. Вып. 4. — Харьков [Hall P. 2006. Politicheskaja nauka i tri novykh institucionalizma // Ojkkumena. Vyp. 4. — Khar'kov].

Цирель С.В. 2005. «OWERTY-эффекты», «path dependence» и закон иерархических компенсаций // *Вопросы экономики*. № 8 [Cirel' S.V. 2005. «OWERTY-ehffekty», «path dependence» i zakon ierarkhicheskikh kompensacii // Voprosy ehkonomiki. № 8].

Шумпетер Й. 1995. *Капитализм, социализм и демократия*. — М. [Schumpeter J. 1995. Kapitalizm, socializm i demokratija. — M.].

Boulding K. 1962. *Conflict and Defense: A General Theory*. — N.Y.

Carneiro R. 1970. A Theory of the Origin of the State // *Science*. Vol. 169. 21.08.

Collins R. 1999. *Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run*. — Stanford.

Collins R. 2004. *Interaction Ritual Chains*. — Princeton.

Crosby A.W. 1986. *Ecological Imperialism: The Biological Expansion of Europe, 900—1900*. — Cambridge.

Goldstone J. 1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. — Berkeley.

Goldstone J. et al. 2010. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*. Vol. 54. № 1.

Goudsblom J., Jones E., Mennell S. 1996. *The Course of Human History: Economic Growth, Social Process, and Civilization*. — Armonk, N.Y.

Kennedy P. 1987. *The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000*. — N.Y.

Mann M. 1987. *The Sources of Social Power. Vol. 1: A History of Power from the Beginning to A.D. 1760*. — Cambridge.

Mann M. 1993. *The Sources of Social Power. Vol. 2: The Rise of Classes and Nation-states, 1760—1914*. — Cambridge.

McNeill W. 1979. *Plagues and Peoples*. — Harmondsworth.

Moore B. 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. — Boston.

Perrow Ch. 1984. *Normal Accidents: Living with High-risk Technologies*. — N.Y.

Ragin Ch. 1994. *Constructing Social Research*. — Thousand Oaks.

Sanderson S. 1990. *Social Evolutionism: A Critical History*. — Cambridge.

Skocpol Th. 1979. *States and Social Revolutions*. — N.Y.

Snooks G. 1996. *The Dynamic Society: Exploring the Sources of Global Change*. — L., N.Y.

Stinchcombe A.L. 1987. *Constructing Social Theories*. — Chicago, L.

Tainter J. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. — Cambridge, N.Y.

Tilly Ch. 2003. *The Politics of Collective Violence*. — Cambridge, N.Y.